

ISSN 2079-9160

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

№ 3–4(24–25)

МОСКВА
2019

ISSN 2079-9160

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредители

Институт языкознания РАН
Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН

Редакционный совет

К. Абдулла (Азербайджан), Ш.Х. Акалин (Турция), Х.Ч. Алишина (Тюмень), М.В. Бавуу-Сюрюн (Кызыл), И. Вашари (Венгрия), Н.Х. Гаджихмедов (Махачкала), Т.М. Гарипов (Уфа), Н.И. Егоров (Чебоксары), М.З. Закиев (Казань), Ю.Н. Исаев (Чебоксары), М.С. Качалин (Турция), А.Б. Куделин (Москва), И.В. Кульганек (Санкт-Петербург), К.М. Миннуллин (Казань), А.М. Молдован (Москва), К.М. Мусаев (Москва), А. Рона-Таш (Венгрия), Ж.С. Сыздыкова (Москва), М.З. Улаков (Нальчик), Ф.С. Хакимзянов (Казань), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа), П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва), Н.Н. Широкова (Новосибирск), М. Эрдал (Израиль), Ю. Янхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: И.В. Кормушин (Москва)
Зам. главного редактора: Е.А. Оганова (Москва), Н.Н. Телицин (Санкт-Петербург)
Отв. секретарь: О.Н. Пустогачева (Москва)
Отв. секретарь и научный редактор: З.Н. Экба (Москва)
Члены редколлегии: Т.А. Аникеева (Москва), Л.Л. Габышева (Якутск), А.В. Дыбо (Москва), Ф.Н. Дьячковский (Якутск), Л.С. Кара-оол (Кызыл), А.В. Кузнецов (Чебоксары), И.Л. Кызласов (Москва), О.А. Мудрак (Москва), М.Х. Надергулов (Уфа), И.А. Невская (Франкфурт), Ф.Ш. Нуриева (Казань), М. Ольмез (Стамбул), Ю.В. Псянчин (Уфа), М.М. Репенкова (Москва), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск), А.В. Савельев (Москва), Л.С. Селендили (Симферополь), К.-М.А. Симчит (Кызыл), В.Н. Тугужекова (Абакан), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск), Д.А. Функ (Москва), М.Д. Чертыкова (Абакан), И.В. Шенцова (Новокузнецк)

«Российская тюркология» является продолжением журнала «Советская тюркология», выходявшего в 1970–1990 гг. в качестве научно-теоретического органа двух академий – Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР.

После 1991 г. в Азербайджане издается журнал «Türkologiya».

Журнал «Российская тюркология» издается с 2009 г.

© Институт языкознания РАН, 2019
© Российский комитет тюркологов, 2019

№ 3–4(24–25)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

МЕТРИКА УЗБЕКСКИХ ПЕРЕВОДОВ РУССКОЙ СИЛЛАБО-ТОНИКИ

Б.В. Орехов

г. Москва

Резюме: В статье рассматриваются эквиваленты силлабо-тонических размеров русской поэзии при переводе на узбекский язык. В центре внимания частотность употребления, которая становится основанием для выводов о функциональности размера. Автором делаются предварительные подсчеты частотности размеров в поэтических книгах современных узбекских авторов. Полученные цифры сравниваются с частотностью размеров в русской поэзии. Основной вопрос – какими силлабическими размерами переводят стихи на русском языке. Почти все русские размеры передаются 11-сложником, исключения делаются для наиболее распространенных в русской поэзии четырехстопного ямба и четырехстопного хорея, а также для коротких строк.

Ключевые слова: стиховедение, перевод, узбекский язык, Пушкин, четырехстопный ямб, силлабическое стихосложение

Проблема соответствия метрики оригинала и перевода поэтического текста ставилась неоднократно как переводчиками-практиками, так и филологами. До собственно научного осмысления она была предметом дискуссии в литературной критике. В 1810-х гг. состоялся спор о том, следует ли переводить Гомера александрийским, народным стихом или русским гекзаметром [Егунов 2001: 157–169]; в 1820-х – следует ли переводить Тассо и Ариосто александрийским стихом или Я5 [Харлап 1981: 4–9]. Филологический подход предполагает не выработку единственного решения, а описание существующего положения вещей. Исследователи обращали внимание на жанровую эквивалентность армянского Я5 и русского вольного ямба [Папаян 1974: 258], 8-сложника «Калевалы» и Х4 у Л.П. Бельского и других переводчиков финского эпоса [Орлицкий 2009]. За вниманием к этой стороне перевода стоит общее представление о неслучайности формы в художественном целом: «Форма произведения всегда менее всего произвольна, всегда предусматривается не сознанием, а как бы инстинктом художника» [Комарович 1922: 200].

Орехов Борис Валерьевич – кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; e-mail: nevmenandr@gmail.com

Особенный интерес представляют случаи, когда поэтические произведения созданы в иной системе стихосложения, нежели господствует в языке, на который текст переводится. В науке накоплен некоторый опыт наблюдения за такого рода взаимодействием поэтических систем на материале русскоязычных переводов европейской поэзии. Многие заметные европейские поэтические традиции классической эпохи, пользовавшиеся интересом русских переводчиков (итальянская, французская, польская), построены на силлабическом принципе. При этом стих русских переводов традиционно силлабо-тонический. Еще в XVIII–XIX вв. русские поэты выработали свой код для передачи некоторых силлабических форм. Я5 для итальянского 11-сложника, Я6 для французского 12-сложника [Папаян 1975: 257] и т. д. Исключения из этой тенденции появлялись постоянно, но оставались на периферии литературного процесса. Самым заметным (см. [Македонская 1998] и др.) из таких отступлений от общего правила за последние десятилетия стал выполненный А.А. Илюшиным перевод «Божественной комедии» русским силлабическим стихом [Данте 2008].

Есть свои наблюдения и над тем, как принято передавать по-русски тюркскую силлабику [Ковалев 1991; Ковалев 2014; Орехов 2019: 189–192]. Что происходит на уровне стиха при обратном направлении перевода (с русского языка на тюркские языки) исследовано заметно хуже. Так, обзревая историю узбекских переводов «Гамлета», исследователи избегают рефлексии над стихотворной формой, ограничиваясь описанием контекста и семантики [Гулямова 1975; Мирзабова 2018], хотя перед нами очевидно любопытный случай: для передачи Шекспира избирается 12-сложник, как мы увидим далее, почти отсутствующий и в переводах русских поэтических текстов, и в современной оригинальной узбекской поэзии.

Выбирая, каким будет метрическое оформление поэтического текста в языке-цели, переводчик может либо исходить из соображений эквивалентности стиху в языке-источнике, либо, игнорируя метрику оригинала, ориентироваться на субъективные представления об уместности той или иной стиховой схемы для данного конкретного текста. Во втором случае выбор будет строго индивидуальным, внесистемным, а значит, слабо предсказуемым на фоне всей переводческой традиции. Кажется, именно так обстояло дело с русскими переводами башкирской поэзии советского времени [Орехов 2019а: 189–192].

Эквивалентность метра в свою очередь может быть осмыслена формально и функционально. Формальная эквивалентность – это результат абсолютизации отдельных черт внешнего сходства стиха оригинала и стиха перевода. Хрестоматийный пример подобного рода – метрические схемы, изобретаемые для передачи на русском языке античных размеров. Русский гекзаметр формально напоминает древнегреческий гекзаметр, если принять за точку отсчета эквивалентность долгих слогов в классическом языке и ударных в современном. Очевидно, что кристаллизации соответствий вроде «Я5 – 11-сложник» и «Я6 – 12-сложник» также способствовало формальное сходство: число слогов в силлабо-тонической и силлабической строках оказывается равным.

Случай Х4 для передачи финского эпического восьмисложного стиха более комплексный, так как к формальному подобию добавляется и функциональное сходство: в русской традиции именно Х4 прочно ассоциируется с фольклорной

тематикой [Гаспаров 2000: 69, 175]. Функциональная эквивалентность предполагает, что в языке-источнике и в языке-цели стихотворные размеры обладают примерно сходным ассоциативным рядом, который в свою очередь является следствием примерно одинаковой распространенности и жанровой закреплённости.

Характерный случай противоречия формальной и функциональной эквивалентности – перевод гомеровского гекзаметра александрийским стихом, т. е. Яб с цезурой после третьей стопы и сдвоенной рифмовкой, подразумевающей чередование женских и мужских окончаний. Предполагается, что законченная мысль, умещавшаяся у Гомера в один стих, в александринах должны быть растянута на две строки. Русский гекзаметр, использованный в XIX в. для классического перевода Н.И. Гнедича, уже назван выше образцом формальной эквивалентности. Александрийский стих совсем не похож на древний размер внешне, в силу названных причин не соотносится с ним по числу слогов, однако именно такого рода Яб было принято в XVIII в. писать эпические поэмы (и трагедии – ещё один образец «высокого» жанра). Поэтому совершенно естественно, что в 1770-х гг. Е.И. Костров избирает для своего перевода «Илиады» именно александрины.

По всей видимости, именно функциональная эквивалентность размеров первична и обладает наибольшим весом при выборе метра перевода. Достижение функционального подобия порой даже становится частью определения художественного перевода как деятельности: «художественный перевод рассматривается как рецептивно-репродуктивный вид речевой деятельности, направленный на установление „функционального подобия“ между произведениями (текстами) двух разных языков и/или на достижение „эстетического воздействия, равного или близкого воздействию текста оригинала“ на рецепторов ПЯ» [Глебов 1988: 39].

В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть вопрос о (насколько можно судить, стихийно) формирующихся функциональных эквивалентностях русских силлабо-тонических размеров и форм узбекского силлабического стиха. Материалом исследования послужили современные переводы произведений О. Мандельштама [Мандельштам 2015], Б. Пастернака [Пастернак 2018], А. Вознесенского [Вознесенский 2015] и главным образом – А. Пушкина [Пушкин 2019; Pushkin 2013].

Решающее значение для понимания места стихотворного размера имеет его распространенность. Именно по частотности употребления в поэтической практике мы можем судить о функциональной нагрузке метра. Так, проникая во все стихотворные жанры и став доминирующим в начале XIX в., Я4 становится как бы «типичным представителем русского стиха в целом» [Гаспаров 2000: 113]. Его жанровая привязка стирается, а связанная с этим размером семантика становится предельно обобщенной. Функционально эквивалентным ему в другой стиховой культуре (например, узбекской) должен стать размер, обладающий такими же качествами, а перевод Я4 редким размером должен восприниматься как нарушение принципа функциональной эквивалентности. Из этого следует, что невозможно говорить о метрике узбекских переводов, не представляя себе картину распределения размеров в поэтическом корпусе.

Тем не менее, обобщающие труды, опирающиеся на количественные показатели популярности поэтических размеров в узбекской поэзии, отсутствуют. В отличие от хорошо исследованных киргизского, чувашского, башкирского (и не-

которых других тюркских) стихосложений [Шаповалов 1986; Родионов 1992; Орехов 2019а], узбекская поэтическая культура пока представляет собой проблемный участок на стиховедческой карте. В нашем распоряжении есть только разбросанные по отдельным работам замечания, помогающие лишь весьма приблизительно реконструировать общую картину.

В основополагающей для узбекского стиховедения диссертации [Туйчиев 1963] отсутствуют подсчеты, раскрывающие место силлабических размеров в метрическом репертуаре. В книге [Стеблева 2012: 159–169] количественных данных также нет, но содержатся оценки распространенности некоторых размеров в творчестве отдельных авторов. Так, наиболее заметными оказываются изосиллабические 7-, 9-, 11-сложники, а также регулярное чередование 8- и 7-сложных строк (см. [Орехов 2019б]).

Пока наукой не создано панорамного квантитативного обследования узбекского стихосложения, приходится использовать результаты предварительных подсчетов. В качестве фона здесь выступают 5 поэтических книг современных узбекских авторов [Искандар 2010; Мустафоев 2012; Назармат 2007; Рауф 2018; Шер 2010]. При всей осознаваемой недостаточности этот материал может послужить единственной доступной точкой отсчета для количественной оптики в исследовании переводов русской силлабо-тоники.

В большинстве попавших в выборку оригинальных произведений узбекских поэтов мы обнаруживаем изосиллабическую структуру, то есть равное число слогов в каждой строке в пределах одного стихотворения. В отдельных случаях можно наблюдать также паралогическую структуру (см. [Орехов 2019а: 165]), то есть регулярное чередование строк определенной длины, в данном случае – 8- и 7-сложной.

Совершенно иную картину дает книга А. Шера, которая целиком состоит из форм вольного силлабического стиха (о понятии вольного силлабического стиха см. [Орехов 2019а: 185–186]), т. е. неурегулированных последовательностей строк непредсказуемой длины. При этом строки содержат спорадическую рифму и в целом небольшую разницу в длинах соседних строк, что не позволяет отнести их к чистому верлибру.

Четыре оставшиеся книги позволяют составить общее представление о распределении силлабических размеров в инструментарии современного узбекского поэта. Подавляющее преимущество перед другими метрами имеет 11-сложник (141 стихотворение), с серьезным отставанием от него на втором месте идет 9-сложник (76 стихотворений), затем следуют 7-сложник (69 текстов), 15-сложник (26 стихотворений), чередование 8- и 7-сложных строк (20 стихотворений) и 13-сложник (17 стихотворений). Остальные размеры имеют менее 15 вхождений.

В книгах разных авторов распределение, разумеется, отличается от общего. Так, 11-сложник не является самым востребованным размером для Э. Мустафоева (9 произведений), который предпочитает 8-/7-сложники (16 стихотворений) и 15-сложники (17 текстов). В остальных стихотворных сборниках доминирующее положение 11-сложника не оспаривается.

Вторым по значимости после 11-сложника для И. Искандара выступает не 9-сложник (12 стихотворений), а 7-сложник (23 стихотворения), который полностью отсутствует в книге Мустафоева. Подробнее см. в таблице 1.

Жанровое распределение между размерами в современной поэзии, очевидно, выражено слабо. Так, поэмы Назармата и Э. Мустафоева написаны 9-сложными и 8-/7-сложными стихами, а баллада Назармата – тем же 9-сложником. Это говорит о вполне ожидаемом отсутствии закреплённости метра за определенным жанром.

Таким образом, наиболее близким по функциональности русскому Я4 должен быть узбекский 11-сложник, универсальный размер, выступающий в роли «типичного представителя стиха в целом». Аналог русского Я5 – 9-сложник, тоже частотный, но не такой универсальный, как 11-сложник. Третий по частотности в русской поэзии размер – Х4 – может быть сопоставлен с узбекским 7-сложником, а длинные 15-сложные или короткие 8-/7-сложные строки аналогичны русскому Х5. Разумеется, эти сопоставления сугубо условны, особенно начиная со второй позиции, однако, функциональная нагруженность четырехстопного ямба и 11-сложника несомненна.

Длина строки	Искандар	Мутафоев	Назармат	Рауф	Всего
4	1	0	0	0	1
6	1	0	0	0	1
7	23	0	43	3	69
8	5	2	4	0	11
8/7	2	16	2	0	20
9	12	2	50	12	76
10	2	0	0	0	2
11	29	9	73	30	141
12	1	0	2	0	3
13	3	1	13	0	17
14	6	4	4	0	14
15	0	17	9	0	26
16	0	0	1	1	2
Всего	85	51	201	46	383

Таблица 1. Число стихотворений, написанных силлабическим размером

Какими силлабическими метрами переводилась русская силлабо-тоника на узбекский, удобно представить в виде двудольного графа (рис. 1). Такой граф способен наглядно представить отношения между двумя классами сущностей. Из этой репрезентации видно, что однозначных соответствий между силлаботоническими и силлабическими размерами фактически нет. Это означает, что по метру перевода читатель не может судить о метрике оригинала. Так, чередование 6- и 7-сложных строк служит для передачи только Х4, но сам Х4 может быть передан шестью разными способами, при этом 6-/7-сложник среди них не самый частотный. Эквивалентом Х3 избран только 5-сложник, но сам 5-сложник используется одновременно и для Я3, и для Я2, и для Д2.

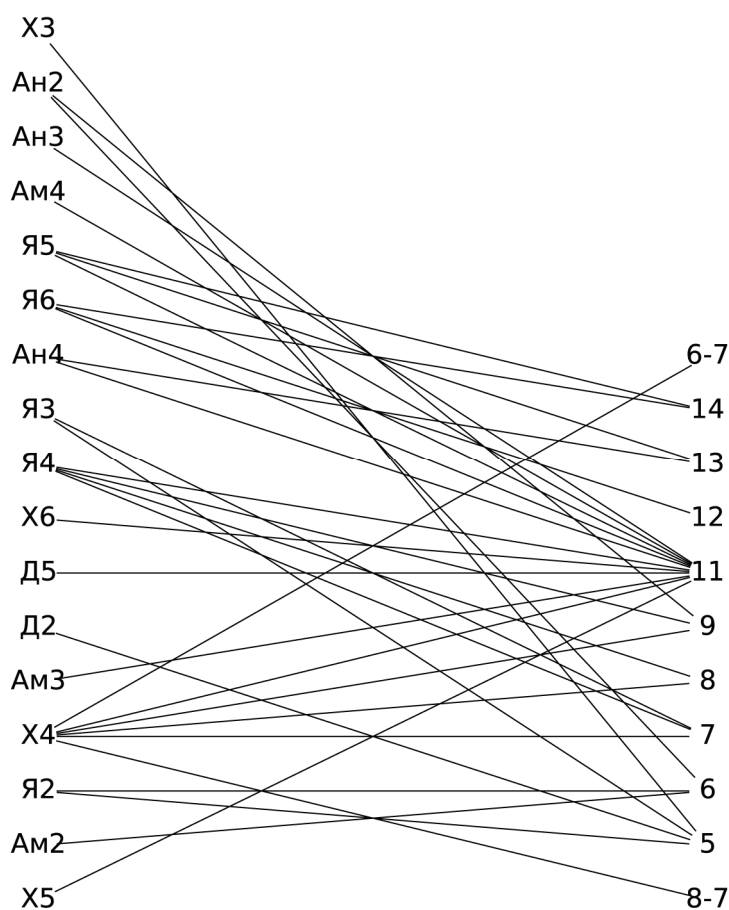

Рис. 1. Двудольный граф метрических соответствий в переводе. Левая доля представляет силлабо-тонические метры (сокращенное обозначение метра и число стоп), правая – число слогов в силлабической строке.

Однако на фоне этого разнообразия все же отчетливо выделяется ряд тенденций.

Во-первых, число размеров переводов заметно меньше числа размеров оригинала: 11 (что приблизительно соответствует картине в выборке оригинальной поэзии: 13) против 17. Таким образом, происходит трансформация метрической системы, которая подстраивается под закономерности языка-цели. Эта трансформация проявляется главным образом в упрощении метрического репертуара. Тенденция весьма предсказуемая, если учитывать, что максимальный диапазон тюркской силлабики вообще может включать не более 14 единиц изосиллабических размеров от сверхкороткого 4-сложника до сверхдлинного 18-сложника (вопрос о том, возможен ли он в башкирской поэзии, дискуссионен, см. [Орехов 2019а: 94, 98]). Расширение этого ряда возможно за счет регулярного чередования строк разной длины, но узбекская традиция этой возможностью почти не пользуется, ограничиваясь изосиллабизмом.

Во-вторых, мы находим некоторые параллели обратному процессу – тому, как в русской поэтической традиции передавались тюркские стиховые формы.

Казахский 6-сложник традиционно передается по-русски Ан2 [Ковалев 1991: 11]. Случай такого же корреспондирования есть и в нашей выборке, причем сравнительно необычный. «Приглашение на луну» («Ойга таклиф») Мандельштама построено как регулярное чередование Ан2 и Х3, а перевод – как чередование 6- и 5-сложных стихов, таким образом, Ан2 оказывается соответствующим именно 6-сложнику. Закрепленный за фольклорной поэтикой благодаря тюркскому эпосу 7-/8-сложник находит естественное воплощение в русском Х4 (хотя более частотным все же оказывается ямб той же стопности [Ковалев 1991: 20]; ср. похожий случай с 8-сложным стихом «Калевалы» выше). Так, пушкинский «Зимний вечер» («Киш окшоми») передан правильным чередованием 8- и 7-сложных стихов. Однако приходится признать, что такие случаи являются единичными и должны, вероятно, иметь статус совпадений, а не репрезентации системных отношений.

Во-вторых, 11-сложник в самом деле выступает как универсальный размер, которым может быть передан практически любой размер оригинала за исключением сверхкоротких. К сверхкоротким мы должны отнести трехстопные варианты двусложных размеров и двусложные варианты трехсложных. Я3 будет передан 7- или 5-сложником («Я наравне с другими...» – «Ўзгала-ла тенгма-тенг...» Мандельштама), а Ан2 – 9-сложником («Реплика в экологической дискуссии» – «Экология борасидаги мунозарада айтилган луқма» Вознесенского), то есть стихами короче 11 слогов.

Более детальную картину можно наблюдать на рис. 2, где дана тепловая карта количественных соответствий размеров в разных системах.

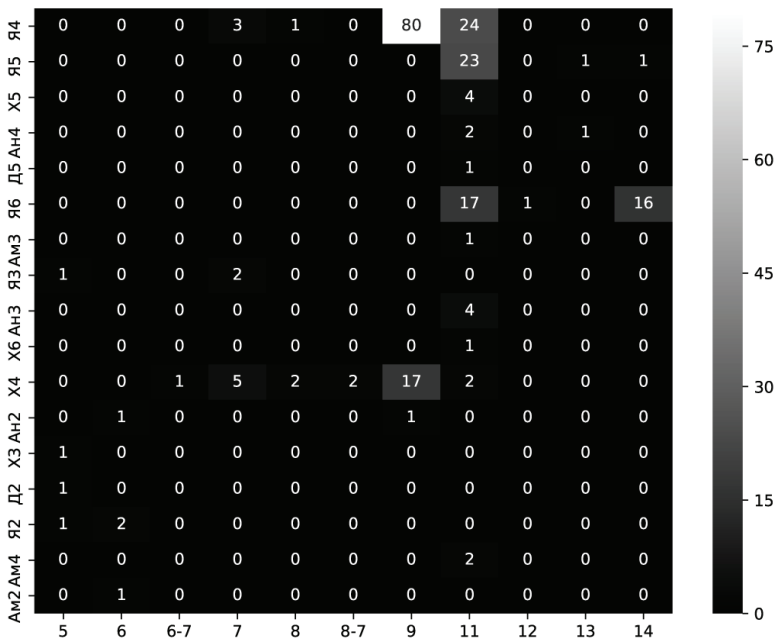

Рис. 2. Тепловая карта передачи русских силлабо-тонических размеров в узбекских переводах. Ячейка окрашена тем более светлым цветом, чем больше соответствий между размерами.

Действительно, практически любой размер русской поэзии может быть передан 11-сложником, но есть особенные случаи, когда другие силлабические метры оказываются более востребованными для перевода силлабо-тоники.

Прежде всего, мы видим, что хотя Я4 в ряде случаев может в переводе стать 11-сложником, самая частотная кросспоэтическая связка – это Я4–9-сложник. Примеры этих отношений есть и в переводах О. Мандельштама («О, как мы любим лицемерить...» – «Тан олгимиз келмайди нечун...»), и в переводах А. Вознесенского («Сон» – «Туш»). Наиболее естественным 9-сложник видится и для перевода Х4. Особое место в этой системе занимает и Я6, в конкуренцию за который вступают 11-сложник и 14-сложник.

Так становится более отчетливо виден вектор происходящего при переводе упрощения метрической системы оригинала. Практически все размеры подлинника передаются универсальным 11-сложником. Если не считать единичных исключений, то самыми заметными отступлениями от этого принципа становятся Я4, Х4 и Я6.

По всей видимости, особое положение Я4 в этом ряду продиктовано его маркированностью в русской поэзии. Любопытный семиотический парадокс в том, что узбекские переводчики ощущают исключительный статус Я4 и, стремясь передать его на своем языке, используют для этого немаркированный 9-сложник, так как функциональная ниша маркированного сходным с Я4 образом 11-сложника уже занята. Именно 9-сложник из всего метрического репертуара выбирается уже по формальному основанию: он самый близкий по числу слогов к Я4 распространенный силлабический размер: строка Я4 с женским окончанием будет иметь как раз 9 слогов. Я4 с мужской клаузулой насчитывает 8 слогов, но как мы видели в таблице 1, узбекская метрика в целом предпочитает стихи нечетной длины.

Случай Х4, очевидным образом, аналогичен: особое его место в русской поэтической культуре провоцирует «отталкивание» от усредненного 11-сложника, а формальное сходство подсказывает использование 9-сложника.

Примечателен случай Я5. Если бы переводчик и стремился из функциональных соображений выделить эту единицу метрической системы, то оказалось бы, что у Я5 нет другого формального эквивалента, кроме того же самого 11-сложника. Я5 с женской клаузулой – это 11 слогов, а Я5 с мужским окончанием – это практически не используемый в узбекской поэзии 10-сложник (в переводах русской поэзии мы его вообще не наблюдаем).

Я6 как 14-сложник передают исключительно в переводах Пушкина. В случае с остальными поэтами используется только 11-сложник. Распределение в пушкинских переводах не вполне ясно. По всей видимости, зависит оно не от метрики оригинала, так как форма александрийского стиха (чередование парных мужских и парных женских рифм) может быть передана обоими способами: «Дева», «Сожженное письмо» – 14-сложник; «Завидую тебе, питомец моря смелый...», «Надеждой сладостной младенчески дыша...» – 11-сложник. Аналогичным образом и Я6 с перекрестной рифмовкой может быть передан и так, и так: К*** («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу...»), «Элегия» («Я думал, что любовь погасла навсегда...»); перевод изосиллабичен, и 11-сложником переданы те фрагменты текста, которые написаны Я4) – 11-сложник; «Красавица перед зеркалом» – 14-сложник.

Ориентируясь на то, что мы уже знали о формальных соответствиях силлабо-тонических и узбекских силлабических размеров, мы бы ожидали увидеть регулярной формой для передачи Я6 13-сложник: русская ямбическая строка с мужским окончанием + 1 слог. Любопытно в этом случае, что наравне с 11-сложником используется не предсказанный формальный эквивалент Я6, а 14-сложник, который длиннее русской строки Я6 с мужской клаузулой на два слога. Возможно, объяснение этому подсказывает распределение 13- и 14-сложников в оригинальном творчестве узбекских поэтов (таблица 1). 13-сложник хотя и оказывается незначительно частотнее, получает свои цифры за счет поэтической книги одного автора, в то время как 14-сложник практически равномерно распределен по сборникам трех поэтов. Это подталкивает к мысли, что 14-сложник более естественный и менее индивидуально окрашенный размер в узбекской метрической системе (что, разумеется, нуждается в уточнении на более широкой выборке текстов). Сама по себе чувствительная длина, вероятно, может напоминать об эпохе тюркского аруза, то есть ассоциироваться с поэтической древностью: метр аруза рамал-и мусамман-и махзуф, которым написана существенная часть газелей Алишера Навои, в терминах силлабики насчитывает 15 слогов. Вероятно, эти поэтические ассоциации инспирировали решение переводчика о передаче части Я6 Пушкина не универсальным силлабическим 11-сложником, а хранящим память жанра длинным 14-сложником. Показательно в этом смысле, что строки Я6 не нуждающихся в «состаривании» поэтов XX в. Мандельштама и Вознесенского переводятся только 11-сложником.

Как мы видим, выбор метрического эквивалента при переводе на узбекский язык происходит в два этапа. Сначала задействуются общие соображения формальной эквивалентности. Если силлабо-тонический размер оказывается короче некоторого психологического предела, то для него выбирается соответствие из набора нечетных силлабических метров короче 11 слогов. В противном случае вступают в силу соображения функциональной эквивалентности. Если они из-за маркированности силлабо-тонического размера не позволяют приравнять его к 11-сложнику, то выбирается 9-сложник или (для придания оттенка поэтической старины) 14-сложник. Все прочие случаи передаются 11-сложником.

Формальные и функциональные ограничения тесно взаимодействуют и в равной степени влияют на выбор метрического эквивалента. Но увидеть детальную картину механизмов, работающих при переводе силлабо-тоники силлабикой мы сможем только после подробного количественного обследования современной узбекской метрики.

Сокращения

- Ам2 – двустопный амфибрахий
- Ам3 – трехстопный амфибрахий
- Ам4 – четырехстопный амфибрахий
- Ан2 – двустопный анапест
- Ан3 – трехстопный анапест
- Ан4 – четырехстопный анапест
- Д2 – двустопный дактиль
- Д5 – пятистопный дактиль

- Х3 – трехстопный хорей
 Х4 – четырехстопный хорей
 Х5 – пятистопный хорей
 Х6 – шестистопный хорей
 Я2 – двустопный ямб
 Я3 – трехстопный ямб
 Я4 – четырехстопный ямб
 Я5 – пятистопный ямб
 Я6 – шестистопный ямб

Литература

- Вознесенский 2015 – *Вознесенский А.* Шеърлар. – Тошкент, 2015. {*A. Voznesensky. Poems.* – Tashkent, 2015.}
- Гаспаров 2000 – *Гаспаров М.Л.* Очерк истории русского стиха. – М., 2000. {*M.L. Gasparov. Essay on the history of Russian verse.* – Moscow, 2000.}
- Глебов 1988 – *Глебов С.Ю.* Об одном этнопсихолингвистическом аспекте художественного перевода // Вестник ЛГУ. 1988. Сер. 2. Вып. 2. – С. 39–44. {*S.Yu. Glebov. About one ethnopsycholinguistic aspect of literary translation // Bulletin of Leningrad State University. 1988. Ser. 2. Issue 2.* – PP. 39–44.}
- Гулямова 1974 – *Гулямова Д.* «Гамлет» на узбекском языке // Мастерство перевода. Сборник Десятый. 1974. – М., 1975. – С. 321–331. {*D. Gulyamova. “Hamlet” in the Uzbek language // Mastery of translation. Collection 10th. 1974.* – Moscow, 1975. – PP. 321–331.}
- Данте 2008 – *Данте Алигьери.* Божественная комедия. М., 2008. {*Dante Alighieri. The Divine Comedy.* – Moscow, 2008.}
- Искандар 2010 – *Искандар И.* Яшил хиргойи (шеърлар). Тошкент, 2010. {*I. Iskandar. The green ring (poems).* – Tashkent, 2010.}
- Ковалев 1991 – *Ковалев П.А.* Освоение стихотворных форм тюркоязычной поэзии в русской литературе. Автореферат ... кандидата филологических наук. – Ташкент, 1991. {*P.A. Kovalev. Borrowing the poetic forms of Turkic poetry in Russian literature. Abstract ... candidate of philological sciences.* – Tashkent, 1991.}
- Ковалев 2014 – *Ковалев П.А.* Формы интерпретации тюркского силлабического стиха в русской поэзии // Имагология и компаративистика. – 2014. – № 2. – С. 114–121. {*P.A. Kovalev. Forms of interpretation of the Turkic syllabic verse in Russian poetry // Imagology and comparative studies.* – 2014. – No.2. – PP. 114–121.}
- Комарович 1922 – *Комарович В.* Ненаписанная поэма Достоевского // Достоевский. Статьи и материалы. I. – Петербург, 1922. – С. 177–207. {*V. Komarovich. The Unwritten Poem by Dostoevsky // Dostoevsky. Articles and materials. I.* – Petersburg, 1922. – PP. 177–207.}
- Македонская 1998 – *Македонская Е.И.* Данте по-русски // Русская речь. – 1998. – № 1. – С. 28–32. {*Ye.I. Macedonskaya (Makedonskaya). Dante in Russian // Russian Speech.* – 1998. – No.1. – PP. 28–32.}
- Мандельштам 2015 – *Мандельштам О.* Шеърлар. – Тошкент, 2015. {*O. Mandelshtam (Mandelstam). Poems.* – Tashkent, 2015.}
- Мирзабова 2018 – *Мирзабова Ж.И.* Сравнительный анализ переводов трагедии «Гамлет» на узбекский язык // Российская тюркология. – 2018. – № 3–4. – С. 65–82. {*Zh.I. Mirzabova. Comparative review of the translations of «The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark» in Uzbek // Russian Turkology.* – 2018. – No.34. PP. – 65–82.}
- Мустафоев 2012 – *Мустафоев Э.* Мен шеърят шойдосиман: шеърлар, сонетлар, баллада ва дoston. – Тошкент, 2012. {*E. Mustafoev. I am a poet of poetry: poems, sonnets, ballads.* – Tashkent, 2012.}
- Назармат 2007 – *Назармат.* Умрим мазмуни: Шеърлар, дostonлар. – Тошкент, 2007. {*Nazarmat. The meaning of my life: Poems.* – Tashkent, 2007.}
- Орехов 2019а – *Орехов Б.В.* Башкирский стих XX века. Корпусное исследование. – СПб., 2019. {*B.V. Orekhov. Bashkir verse of the XX century. Corpus study.* – Saint-Petersburg, 2019.}

- Орехов 2019б – Орехов Б.В. Метр отрезков длиннее строки в башкирском силлабическом стихе // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2019. – Т. 78. – № 2. – С. 41–50. {*B.V. Orekhov. Meter of segments longer than a line in the Bashkir syllabic verse // Bulletin of RAS. A series of literature and language. – 2019. – Vol.78. – No.2. – PP. 41–50.*}
- Орлицкий 2009 – Орлицкий Ю.Б. Стих «Калевалы» в русской поэзии и прозе // Арт. – 2009. – №3. – С. 136–148. {*Yu.B. Orlicsky. “Kalevala” verse in Russian poetry and prose // Art. – 2009. – No.3. – PP. 136–148.*}
- Папаян 1975 – Папаян Р. К вопросу о метрических эквивалентах (Армянская и русская поэзия) // Мастерство перевода. Сборник Десятый. 1974. – М., 1975. – С. 254–277. {*R. Papayan. On the issue of metric equivalents (Armenian and Russian poetry) // Mastery of translation. Collection 10. 1974. – Moscow, 1975. – PP. 254–277.*}
- Пастернак 2018 – Пастернак Б. Доктор Живаго. Роман. – Тошкент, 2018. {*B. Pasternak. Doctor Zhivago. – Tashkent, 2018.*}
- Пушкин 2019 – Пушкин А.С. Тумор: шеърлар, достонлар, драма. – Тошкент, 2019. {*A. Pushkin. Works: poems, drama. – Tashkent, 2019.*}
- Рауф 2018 – Рауф М. Муаллақ чексизлик. Шеърлар. – Тошкент, 2018. {*M. Rauf. Unlimited infinity. Poems. – Tashkent, 2018.*}
- Родионов 1992 – Родионов В.Г. Чувашский стих. Проблемы становления и развития. – Чебоксары, 1992. {*V.G. Rodionov. Chuvash verse. Problems of formation and development. – Cheboksary, 1992.*}
- Стеблева 2012 – Стеблева И.В. Тюркская поэтика: этапы развития: VIII–XX вв. – М., 2012. {*I.V. Stebleva. Turcic poetics: stages of development: 8th–20th centuries. – M., 2012.*}
- Туйчиев 1963 – Туйчиев У. Система бармак в узбекской советской поэзии. Автореферат ... кандидата филологических наук. – Ташкент, 1963. {*U. Tuychiyev. The system of barmak in Uzbek Soviet poetry. Abstract ... candidate of philological sciences. – Tashkent, 1963.*}
- Харлап 1981 – Харлап М.Г. Силлабика и возможности ее воспроизведения в русском переводе // Мастерство перевода. 1979. – М., 1981. – Сб. 12. – С. 4–50. {*M.G. Kharlap (Harlap). Syllabics and the possibilities of its reproduction in the Russian translation // Mastery of translation. 1979. – Moscow, 1981. – Issue. 12. – PP. 4–50.*}
- Шаповалов 1986 – Шаповалов В. Киргизская стихотворная культура и проблемы перевода. – Фрунзе, 1986. {*V. Shapovalov. Kyrgyz poetic culture and translation problems. – Frunze, 1986.*}
- Шер 2010 – Шер А. Сарбаст кўшиқлар. – Тошкент, 2010. {*A. Sher. Sarbast Songs. – Tashkent, 2010.*}
- Pushkin 2012 – Pushkin A. Tanlangan asarlar. – Toshkent, 2012. {*A. Pushkin. Selected works. – Tashkent, 2012.*}

Uzbek meters in translations of Russian sillabo-tonic poetry

Boris V. Orekhov

Moscow

Summary: The article considers equivalents of syllabotonic meters of Russian poetry in their translations into Uzbek. The focus is on the frequency of use, which becomes the basis for conclusions about the functionality of the meter. The author makes preliminary calculations of the frequency of meters in the poetic books of contemporary Uzbek authors. The obtained numbers are compared with the frequency of meters in Russian poetry. The main question is what syllabic meters are used for the poems are translated from Russian. Almost all Russian meters are (and could be) translated by an 11 syllables verse, exceptions are made for the most common in Russian poetry four feet iambus and four feet trochee, as well as for short lines.

Keywords: verse studies, translation, Uzbek language, Pushkin, four feet iambus, syllabic verse system

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Кормушин И.В., Савельев А.В., Шаров А.В.</i> О некоторых особенностях данных Махмуда Кашгари по тюркским диалектам XI в.....	5
<i>Кормушин И.В., Савельев А.В.</i> О значении данных Махмуда Кашгари по тюркским диалектам XI века для понимания особенностей древнего литературного тюркского языка VII–XI вв.....	12
<i>Селютина И.Я.</i> Артикуляторные паттерны телеутских согласных в сопоставлении с другими идиомами Южного Алтая.....	15
<i>Альниязов А.И.</i> Сложносочиненное предложение в аспекте дихотомии тождеств и различий на примере каракалпакского языка.....	28
<i>Дыбо А.В., Кочакаева З.К.</i> Экспериментальные данные по фонетике заднеязычных согласных кайтакского диалекта кумыкского языка.....	34
<i>Отемисов А.З.</i> О морфологической структуре фитонимов каракалпакского языка.....	51

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

<i>Мухаммадеев А.Р.</i> К вопросу о правоотношениях в древнетюркских обществах: могут ли эпитафии являться источниками права?.....	62
--	----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Орехов Б.В.</i> Метрика узбекских переводов русской силлабо-тоники.....	74
--	----

ПЕРСОНАЛИИ

Валентин Иванович Рассадин – памяти ученого и в год 80-летия со дня его рождения

В.И. Рассадин – тюрколог и монголист.....	86
Скромный человек и великий учёный. Профессор В.И. Рассадин.....	91
Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований (материалы форума).....	99
Дария Байрамовна Рамазанова (17.09.1938 – 24.04.2019).....	112
Раиса Халиловна Халикова (памяти ученого и к 85-летию со дня рождения).....	117
Виктор Григорьевич Гузев (к 80-летию со дня рождения).....	122
Афат Мамедович Курбанов (1929–2009). К 90-летию со дня рождения.....	126
Айдер Меметович Меметов (к 75-летию со дня рождения учителя и ученого).....	130
Тамара Герасимовна Боргоякова (к 70-летию со дня рождения).....	138